

Юлия Тупикина

Два Ван Гога

История о раздвоении Ван Гога, которая случилась с ним перед смертью

ПРОХОЖИЙ, 28 лет.
 ХУДОЖНИК, 37 лет.
 БОМЖ, неопределенного возраста.
 ОФИЦИАНТКА.

1. Июль, где-то в Подмоскovie, ХУДОЖНИК под солнцем пишет маслом поле, на которое прилетели вороны. Мимо идёт ПРОХОЖИЙ. Чуть поодаль лежит на земле и спит БОМЖ.

ПРОХОЖИЙ. Эй!
 ХУДОЖНИК не обращает на него внимания, пишет пейзаж. БОМЖ приподнимает голову, но со стоном снова опускает её.
 ПРОХОЖИЙ. Эй! Уважаемый! Закурить есть?

ХУДОЖНИК рисует. ПРОХОЖИЙ садится на корточки, закуривает и наблюдает за ним. Достает блокнот и карандаш и тоже что-то рисует. БОМЖ поднимает голову.

ПРОХОЖИЙ. Тоже малюю помаленьку. На стенах тоже. Стрит-арт, а не просто. Какой же кайф рисовать! Дышать забываешь. Да всё! Что там говорить. Кайф какой! Лучше, чем с женщиной! Хотя... Эх! Seriously. Я думал, это не для меня. Ну всё это искусство. Это как высший мир, а я тут, ниже уровнем, орк орком. А тут начал, и так меня прёт!
 БОМЖ. Сынок, ты как здесь очутился-то? Как это?
 ПРОХОЖИЙ. Папаша, ты спи, спи.
 ХУДОЖНИК (ПРОХОЖЕМУ). Жарко. Пойдем выпьем?
 ПРОХОЖИЙ. Пойдем, друг! Тебя как зовут-то?
 ХУДОЖНИК. Да иди ты.

2. В кафе «Легенда». Со стен поет Стас Михайлов. ХУДОЖНИК и ПРОХОЖИЙ сидят за столом и пьют пиво. К столу подходит ОФИЦИАНТКА с подносом, приносит новую бутылку. Она поглядывает на ПРОХОЖЕГО, а он на неё. ХУДОЖНИК наблюдает за их взглядами, потом закуривает.

ПРОХОЖИЙ. Я ведь попом был. А теперь нет. Ушел.
 ХУДОЖНИК. Не веришь больше?
 ПРОХОЖИЙ. Верю. Но тут, понимаешь, сложный вопрос. Теперь Бог – это братан мой. Бог говорит через него, понимаешь? Деньги посылает.
 ХУДОЖНИК. У меня тоже брат есть.
 ПРОХОЖИЙ. Господи, дай здоровья братишке! Он мне давно говорил: рисуй! Давай! Вперед! Но я не верил. В себя не верил, получается. Думал: бесплодная смоковница. А есть плоды-то! Получается уже. Поддаётся материя.

ОФИЦИАНТКА чуть-чуть улыбается, *ПРОХОЖИЙ* улыбается ей широко. *ОФИЦИАНТКА* уходит.

ХУДОЖНИК. А может, ну его?

ПРОХОЖИЙ. Что «ну его»?

ХУДОЖНИК. Да всё фигня это? Может, попом-то лучше? Пользы больше людям.

ПРОХОЖИЙ. Ну не знаю... Думал я так раньше. И отец, и дед попы.

ХУДОЖНИК. Люди-то любили их, поди.

ПРОХОЖИЙ. Да, любили, верили. И меня. Слушали, когда я им про Иисуса-то. Да и видели, чё, не видели, что ли, видели – я им последнее отдавал. Этот-то, которого я с дырой в голове в шахте нашёл, он-то вообще как ангела увидел. Дикие они, шахтёры-то. Спиваются. Этот, экзистенциальный кризис у них.

ХУДОЖНИК. Правильно. Бессмысленно всё. Тоска одна.

Подходит ОФИЦИАНТКА и меняет пепельницу. *ПРОХОЖИЙ* широко улыбается ей.

ПРОХОЖИЙ. Э-э-э не-е-е! Ты что, друг? Всё к лучшему в этом лучшем из миров, ты что?

ОФИЦИАНТКА уходит, подмигнув *ПРОХОЖЕМУ*.

ПРОХОЖИЙ. Уныние тебя одолело, а это грех. Уныние клеветает на самого Бога, будто Он немилосерд и нечеловеколюбив. Знаешь, ходил там недавно, в этих шахтерских краях-то, то там переночую, то там. И так тоскливо было – церковь типа отказалась от меня, не нужен, ты, говорит, ходишь, как юридивый: я босой ходил почти круглый год, в сланцах да и одежды не было, всё раздал, в рваньё, ну не важно. А помочь-то я этим шахтерам все равно не могу, понимаешь! К руководству ходил, к этим толстомордым уродам на джипах, говорю: ну что это за хищный капитализм, всё, говорю, журналистам, про вас расскажу, блогосферу колыхну. Ну и что? Ноги обещали только обломать, вот и всё. Не помог я им. И так стало противно на душе.

ХУДОЖНИК. Повеситься хотел?

ПРОХОЖИЙ. Да нет... Ну, может, и хотел... да нет. Тоскливо стало. Но я вспомнил, что Он любит меня. И полегчало.

ХУДОЖНИК. Кто?

ПРОХОЖИЙ. Господь.

ХУДОЖНИК. А если ты ошибся? Ну вдруг не любит.

ПРОХОЖИЙ. Любит, любит, он позвонил и денег выслал. Через брата-то. Я краски купил. Рисовать стал.

В кафе заходит БОМЖ. ОФИЦИАНТКА идет ему навстречу.

ОФИЦИАНТКА (БОМЖУ). Чё надо? Иди отсюда!

БОМЖ (ХУДОЖНИКУ и ПРОХОЖЕМУ). Пацаны! Пацаны! Я к вам! Да пусти ты!

ОФИЦИАНТКА. Иди-иди отсюда, пока милицию не вызвала. Воняет тут. Фу.

БОМЖ уходит.

ХУДОЖНИК. Бабы... Злые они.

ПРОХОЖИЙ. Ну не скажи. Не все. Есть такие тонкие, изысканные. Так и хочется раздавить эту нежность. Эта хорошая... А я такую полюбил, такая она порядочная, тонкая, такая... Но что делать, если не любит она?

ХУДОЖНИК. Ха.

ПРОХОЖИЙ. Понимаешь, она говорит мне: «Нет, нет, никогда», но я борюсь! Сопrotивляюсь! Я разморожу эту принцессу-эскимо! Не усмехайся, друг. Скажи мне, ну как думаешь, как объяснить ей? Конечно, ей, может, надо стабильности, бабла, у нее ребенок маленький, то-сё. Но я-то люблю её, аж зубы сводит.

ХУДОЖНИК. А смысл?

ПРОХОЖИЙ. Что смысл?

ХУДОЖНИК. Смысл какой? Ну любишь ты её и что?

ПРОХОЖИЙ. Ну как? А она, например, меня.

ХУДОЖНИК. И?

ПРОХОЖИЙ. Семья, дети.

ХУДОЖНИК. И?

Подходит ОФИЦИАНТКА, забирает пустые бутылки, ПРОХОЖИЙ ей помогает, улыбается.

ПРОХОЖИЙ. Ну не знаю, счастье. Жизнь возрождается. Смерти нет. (Подмигивает ОФИЦИАНТКЕ).

ОФИЦИАНТКА улыбается и уходит.

ХУДОЖНИК. Иллюзия. Смерть есть. Одна форма сменяется другой, всё движется. Секунду живет, секунду умирает, снова что-то появляется другое. Вот, есть у меня картина такая: ночь, и на небе потоки закручиваются, свиваются вокруг звезд, движуха такая, ритмы. Я эту движуху всю телом чувствую, вижу. Силы такие живые кружатся.

ПРОХОЖИЙ. Что мне твоя движуха, я реальную женщину люблю.

ХУДОЖНИК. А ты пойми, всё же молекулы: то так сгруппируются, то так, меняют форму только. Так что, нет никакой разницы, чувак. Мы все встречаем себя. Я – это тоже ты. Я тут вообще, может, сижу и сам с собой разговариваю. Как тогда в психушке.

ПРОХОЖИЙ. Что ты мне мозги пудришь? Я упрямый, всё равно буду бороться. Она полюбит меня, зуб даю!

Подходит ОФИЦИАНТКА, приносит новое пиво.

ХУДОЖНИК. Нет, не полюбит, но это и неважно. Я вот любил однажды одну, женился на ней. Но всё без толку. И теперь тоже, скучаю очень по одной. Ну у нее другие мужики, конечно, но не важно. Всё равно она есть сейчас, как часть меня. Я иногда губы поджимаю, и вспоминаю, что это она так поджимает, и сразу голос её слышу, и запах вспоминаю. Но вообще, бабы – неблагодарная тема, чувак.

ОФИЦИАНТКА фыркает и уходит.

ПРОХОЖИЙ. Знаешь, конечно, я понимаю: всё бессмысленно и быстро кончается. Но, вот ты говоришь: запах, голос, значит, у нас есть глаза, уши, нос, мы можем трогать, чувствовать. А жизнь такая клёвая вокруг, ты посмотри! Вот ты малевал поле и ворон – ты же понимаешь меня. Вот мы тут сидим, и Стас Михайлов ядовитый играет, а всё равно ведь классно как, что мы сидим и так душевненько разговариваем, да же? И всё так: можно вообще смотреть только на небо и скучно не будет. Всё вокруг так... слово-то какое бы подобрать... всё вокруг очаровательное такое.

ХУДОЖНИК. Слово какое, гы... Давай сменим тему.

Подходит ОФИЦИАНТКА, приносит новое пиво и забирает бутылки. Они с ПРОХОЖИМ широко улыбаются друг другу.

ПРОХОЖИЙ. Давай о живописи? Я когда краски в руки беру – у меня сразу встаёт, честное слово. У тебя нет? Ну ты-то настоящий художник, а я-то только учусь пока. Вот выучусь, буду как Бэнкси, знаменитый, богатый. Шучу. Вот буду продавать картины свои, доход будет.. Конечно, ничего необыкновенного, но так, хоть пользу какую-то приносить. Или хоть буду знать, что я ЕСТЬ... Слушай, а посмотри, как тебе?

ХУДОЖНИК. Что?

ПРОХОЖИЙ. Ну картинки мои, эскизы. Не, ну серьезно, посмотри, а? Как учитель. Братан, так благодарен тебе буду!

ПРОХОЖИЙ достаёт из рюкзака блокнот для скетчей и показывает свои карандашные рисунки.

ХУДОЖНИК. Херня. Одно могу сказать: ты не художник. Пустоцвет. И раньше от тебя толку не было, и сейчас не будет. Твоими картинами будут затыкать дыры в курятниках. В них стрелять будут. Да просто выбросят.

ОФИЦИАНТКА фыркает и уходит.

ПРОХОЖИЙ. Да ты что, братан? Ты что? Ты полегче!

ХУДОЖНИК. Так! Именно так! А будут говорить еще хуже! Бросай это дело, пока не поздно, парень. Мне и не такое говорили. А если у меня есть уши, а мне говорят такое, то что делать, как думаешь?

ХУДОЖНИК убирает волосы с ушей – у левого уха отрезана мочка.

ХУДОЖНИК. Да, и не такое говорили. У меня этих картин, знаешь сколько? Девятьсот где-то. А продано сколько? Одна. Купила одна, добрая фея, сестра художника. И всё. Так что бросай, не унижайся, серьёзно. Есть много других профессий интересных, чувак. Бухгалтер, например.

ПРОХОЖИЙ. Да ты гонишь. Ты издеваешься, да?

Приходит ОФИЦИАНТКА и меняет пепельницу.

ОФИЦИАНТКА. Мы закрываемся.

ХУДОЖНИК. Устал я, парень. *(ОФИЦИАНТКЕ)* Аня, что же ты мельтесишь-то весь вечер, а? Всю душу вымотала. Пойдемте на улицу подышим. Душно здесь. ПРОХОЖИЙ *(ОФИЦИАНТКЕ)*. Аня? Анята. Какое теплое имя!

3. Ночь, ХУДОЖНИК, ПРОХОЖИЙ и ОФИЦИАНТКА идут по узким темным улицам. ХУДОЖНИК курит, ПРОХОЖИЙ и ОФИЦИАНТКА держатся за руки. За ними плетется БОМЖ.

ПРОХОЖИЙ. У человека внутри огонь. Но проблема в том, что никто не хочет погреться около него. Вот идет кто и видит: дымок. Он думает, ты куришь. А это дым твоего огня. И чувак идет мимо. А надо ждать, когда кто-то сядет и погреться около тебя.

ПРОХОЖИЙ обнимает ОФИЦИАНТКУ за талию.

ХУДОЖНИК. Но разве он останется? Он погреться и пойдет дальше. А ты всегда один.

Они идут через площадь, горит вечный огонь, они подходят ближе и греются около него. Подходит БОМЖ и тоже греется возле огня.

ХУДОЖНИК. Что-то внутри меня умерло и смердит, понимаешь. Вот, что-то внутри меня умерло, и я отрезал себе ухо. Ей принес, она не взяла, конечно. А друг мой, ну я думал, что друг, но это был не друг. Так вот, чувак этот даже не зашел ко мне, понимаешь? Он думал, я его убить хотел. Понимаешь, тянешься к чему-то, тянешься, а толку? Дружбы нет. Кто-то как будто впитал тебя, как будто вы вместе дышите, а потом раз – и облом. И ты один, как в одиночной камере. Даже брат мой, даже он, представляешь? Он, который единственный... Да ладно. Никогда не знаешь точно, что хорошо, что плохо. Может, и правильно всё это. Только зачем тогда мои картины? Я же их не краской пишу, я же их кровью, мозгом. Может, сжечь?

ПРОХОЖИЙ. Что ты! Как можно картины жечь?

ХУДОЖНИК. Ну расстреливали их уже, в курятнике дыры затыкали. А однажды доктору хотел подарить, так он не взял, представляешь? Как будто это такое говно...

БОМЖ *(ХУДОЖНИКУ)*. Мысли твои какие несчастные. Мучаешь себя.

ПРОХОЖИЙ. Эй, папаша, ты как здесь? Ты отойди подальше, воняешь.

БОМЖ *(ХУДОЖНИКУ)*. Мысли можно думать другие.

ПРОХОЖИЙ. Блин, пророк вонючий.

БОМЖ *(ПРОХОЖЕМУ)*. А ты вообще как здесь оказался?

ПРОХОЖИЙ. Да хрен знает, шел-шел, и занесло сюда, в медвежий угол. Наверное, чтоб с Анькой познакомиться!

ОФИЦИАНТКА хихикает

ПРОХОЖИЙ. Папаша, ты выпить хочешь?

БОМЖ. Хочу, конечно, бля.

БОМЖ, ПРОХОЖИЙ, ХУДОЖНИК и ОФИЦИАНТКА сидят возле вечного огня и пьют пиво из пластиковых бутылок, на ОФИЦИАНТКУ накинута ветровка ПРОХОЖЕГО.

БОМЖ (ХУДОЖНИКУ). Вот ты говоришь: плохо. И сжался. Сжался, и не течет сквозь тебя сила-то. Закупориваешь путь. Не даешь движения. А ты разожмись, распрямись. Расслабиться надо. Вот поле ты рисовал, ворон. Вот и будь в поле, с воронами, а не в мыслях своих. Вот ты видишь: красиво, значит, и у тебя внутри красиво в то же время. Вот ты сидишь пьешь пиво, хорошо тебе. Сиди и пей. А всё другое неважно. И тогда потечет. Не хорошо, не плохо, а просто так есть.

ПРОХОЖИЙ. Да что потечет-то? Вон сопля у тебя потекла уже.

ОФИЦИАНТКА хихикает.

БОМЖ. Жизнь потечет, сынок. И станет спокойно.

ХУДОЖНИК. Поздно уже. Аня, пойдем со мной, а?

ОФИЦИАНТКА. С ума сошел?

ПРОХОЖИЙ. Ну нет, ты что, братан, я обещал показать Аняте свою коллекцию марок. Нет!

ХУДОЖНИК. Страдание будет длиться вечно. Да пошли вы все. Я спать.

4. Утро, все трое спят в стогах сена на лугу. БОМЖ просыпается рядом с ХУДОЖНИКОМ, встает, смотрит на ХУДОЖНИКА, вздыхает и уходит.

5. День, жарко, ХУДОЖНИК, ПРОХОЖИЙ и ОФИЦИАНТКА по-прежнему спят в сене: ХУДОЖНИК в одном стогу, ПРОХОЖИЙ и ОФИЦИАНТКА в другом. ХУДОЖНИК просыпается, подходит к соседнему стогу и смотрит на обнявшихся во сне ПРОХОЖЕГО и ОФИЦИАНТКУ, достает пистолет, расталкивает ногой ПРОХОЖЕГО, ПРОХОЖИЙ просыпается.

ПРОХОЖИЙ. Что? Что ты?

ХУДОЖНИК (шепотом). Тссс. Растворяю форму.

ПРОХОЖИЙ (замечая пистолет). Да ты офигел, ты чего?

ПРОХОЖИЙ вскакивает.

ХУДОЖНИК. Да не ссы. Тебя не трону.

Просыпается ОФИЦИАНТКА.

ОФИЦИАНТКА (замечая пистолет, ХУДОЖНИКУ). Дебил ненормальный.

ХУДОЖНИК. Аня, вернись ко мне. Я же люблю тебя, ты же знаешь. Мучить меня хватит.

ПРОХОЖИЙ. Э, ты чего это? Вы что ли...

ОФИЦИАНТКА. Да ну тебя.

ХУДОЖНИК. Что он тебе? Я таким же был. Сопляк.

ОФИЦИАНТКА. Я рыжих люблю.

ХУДОЖНИК. Я тоже рыжий.

ОФИЦИАНТКА. ХА! Седеешь уже.

ХУДОЖНИК. Ну хочешь, поженимся? Дети будут.

ОФИЦИАНТКА. Иди ухо себе отрежь.

ХУДОЖНИК прикладывает к своему боку дуло пистолета.

ПРОХОЖИЙ. Э! Ты чего, братан! Ты чего! Бог милосерд!

ПРОХОЖИЙ выхватывает у ХУДОЖНИКА пистолет и швыряет его в кусты. Из кустов, подняв пистолет, выходит БОМЖ.

ПРОХОЖИЙ. Опа-на! И этот тут!

БОМЖ. Не мешайте ему. Пусть стреляет.

ПРОХОЖИЙ. Ты чего?

БОМЖ. Пацаны, кто-то из вас двоих лишний.

ПРОХОЖИЙ. В смысле?

БОМЖ. Ну вы же один человек, ёбана. Ты – молодой, а ты постарше. (ОФИЦИАНТКЕ). Сама-то видишь?

ОФИЦИАНТКА. Вау! Точняк! Вы как близнецы. Блиин...

ПРОХОЖИЙ. Папаша, иди проспись.

БОМЖ. Ну ты сам вспомни – это же ты был таким 9 лет назад. И тоже был попом. И тоже любил эту тонкую нежную, с ребенком, а она тебя нет.

ХУДОЖНИК. Да, да... Верил, что всё будет хорошо.

ПРОХОЖИЙ. Э, вы чё? Чё за гон. Только пиво же пили.

БОМЖ. Кто-то один из вас лишний. Она выбрала его. Я тоже его выбираю. Всё будет хорошо.

ХУДОЖНИК. Мне кажется, что вы все – голоса. Ну, знаешь, такие голоса в голове. Я же сумасшедший, знаешь, да?

БОМЖ. В общем-то, это всё неважно. В википедии написано: умер в 37 лет.

БОМЖ отдает пистолет ХУДОЖНИКУ.

ПРОХОЖИЙ. Э-э!

ОФИЦИАНТКА (ПРОХОЖЕМУ). Т-с-с, да подожди ты.

ХУДОЖНИК уходит.

КОНЕЦ